

ИСААК БАШЕВИС ЗИНГЕР — один из самых плодовитых писателей XX века, чье наследие охватывает огромное количество романов, рассказов, воспоминаний, детских книг и эссе. Он первый и пока единственный из пишущих на идише авторов удостоен Нобелевской премии по литературе (1978) — правда, Шведская академия читала его произведения только в английском переводе. Тридцатиоднолетний Зингер эмигрировал из Варшавы в Нью-Йорк в 1935 году, и его письма, относящиеся к этому раннему периоду, наводят на мысль, что он уже тогда понимал важность расширения своей аудитории за пределы литературного мира на идише. В конце 1940-х годов, когда готовился к публикации его первый переведенный на английский роман, «Семья Мускат», он настолько глубоко вникал в перевод, что машинописный текст переводчика полностью утонул в его поправках. Издатель Зингера Альфред А. Кнопф распорядился перепечатать текст — за счет автора, — и с тех пор до конца своих дней Зингер лично контролировал едва ли не каждый перевод и только после проверки отдавал его в набор. Он сделал перевод частью своей художественной практики: сначала писал на идише, затем вместе с переводчиками создавал английский текст, а позднее работал с журнальными и книжными редакторами, сокращая отдельные пассажи или добавляя по-английски новые. Он выстроил творческий процесс, начинавшийся на идише и кончавшийся

на английском, то есть, по сути, работал как американский автор-билингва.

Промежуток времени от начала карьеры Зингера на идише до появления его книг на английском языке — между тем он продолжал писать на идише и впервые выпусками напечатал свое сочинение в газете «Джуиш дейли форвард» — обусловил значительную отсрочку выхода его произведений на английском языке. Материалов для перевода и публикации всегда было больше, чем мог реально принять литературный рынок. Выбирая, каким проектам дать ход, Зингер и его литературные консультанты — такие, как издатель, редактор и агент, — нередко учитывали тему его книги и насколько она соответствовала его публичному имиджу. А чтобы вообще рассматривать произведение, коллегам требовался английский перевод, так что на протяжении всей своей карьеры Зингер сам заказывал и контролировал переводы своих романов с идиша. Это обеспечило выход в свет целого ряда самых известных его романов — «Раб», «Враги. Любовная история», «Шоша» и др. Однако более противоречивые и дерзкие книги оставались в стороне. Так случилось с «Раскаявшимся», романом об ортодоксальности, переведенном на английский вскоре после газетной публикации на идише (1973), но напечатанном по-английски спустя десять лет. Зингеру удалось издать этот роман лишь в 1983 году, через несколько лет после получения Нобелевской премии, когда он, вероятно, уже мог рискнуть выпустить книгу на столь сложные темы. Впрочем, такая судьба выпала не всем неопубликованным произведениям Зингера.

«Обманщик» — печатавшийся выпусками в «Джуиш дейли форвард» с декабря 1967 по май 1968 года и,

видимо, в скором времени переведенный — при жизни Зингера был отложен и по-английски так и не вышел. Рукопись перевода вкупе с несколькими другими неизданными работами была обнаружена в бумагах Зингера в Остине, в Центре гуманитарных исследований Гарри Рэнсома, — рабочий экземпляр с поправками, внесенными рукой Зингера, и названием, небрежно написанным вверху первой страницы. На идише роман вышел под псевдонимом Ицхок Варшавски, то есть Исаак из Варшавы, хотя те, что читали на идише, давно знали, кто автор: в 1955-м Зингер под именем Варшавски выпустил на идише несколько рассказов о своем отце, а годом позже опубликовал те же рассказы как сборник под авторским псевдонимом Башевис. «Обманщик» — один из двух романов, опубликованных под именем Варшавски; второй — это «Пена», впервые напечатанная в газете на идише непосредственно перед «Обманщиком» в июне — сентябре 1967-го и вышедшая в английском переводе незадолго до кончины Зингера в 1991 году. Оба романа — каждый по-своему — повествуют о сексуальных проблемах шестидесятилетнего мужчины, который, с одной стороны, ставит свое существование под вопрос, с другой же — ищет нервной щекотки доверительно-близких отношений и трудностей. Но если морально-сексуальное беспутство «Пены» изображено на фоне Варшавы рубежа XIX — XX веков, то действие «Обманщика» происходит в Америке в разгар Второй мировой войны. Иные из персонажей, едва сумевшие спастись из Европы, имеют некоторое представление о происходящем с их братьями-евреями, но это лишь стимулирует их моральный и сексуальный разгул.

Среди романов Зингера «Обманщик» — один из самых безрадостных, хотя и один из самых волнующе-трогательных. Центральная фигура — человек по имени Герц Минскер, самостийный гибрид философа-экзистенциалиста, религиозного мыслителя и теоретика психоанализа, отвергающий все категории в пользу того, что он именует «исследованием человека», — мешанины из размышлений о человечестве и его устремлениях. Минскер не может завершить ни одну начатую им книгу, однако же кое-кто из евреев-эмигрантов, говорящих, как и он, на идише, считает его гением-неудачником, заблудшей душой из прославленной раввинской семьи, ведь он постоянно тянет деньги из жены, друзей и подруг, но имеет потенциал стать великим человеком. Минскера окружают люди не менее заблудшие — лучший друг-бизнесмен, часто оказывающий ему финансовую поддержку, жена этого бизнесмена, поэтесса-графоманка, жаждущая пробиться в мире литературы на идише, спиритка-домохозяйка, которая ради Минскера устраивает фальшивые сеансы, и его жена, живущая в постоянной депрессии, оттого что оставила в Польше мужа и детей и сбежала с Герцем в Америку. Роман прослеживает поступки этих и других персонажей, меж тем как Минскер превращает их и без того непростую личную жизнь в полный хаос.

«Обманщик» исследует знакомые зингеровские темы — эмиграцию, отчаяние, адюльтер и творческий ум — с сугубо личной точки зрения. Это шедевр экзистенциального страха, религиозных исканий и психологических импульсов, столкновение остатков традиции еврейских *штетлов* с манхэттенскими улицами Америки времен Второй мировой войны. Это роман идей, насыщенный еврейской

иронией и укорененный в реальности Холокоста. Он выявляет, сколько необходимо людям отыскать в вере собственный путь вперед и сколько лжи они, чтобы выжить, внушают себе и другим. Зингер создает целый лабиринт персонажей, обрисованных с мрачным комическим реализмом, чтобы показать, какую цену человек платит за предательство. «Обманщик» в куда большей степени, чем любое из произведений Зингера, опубликованных при его жизни, напрямую затрагивает душевное нездоровье, депрессию и отчаяние. Кроме того, роман исследует проблему успеха, в том числе его опасности и сомнительность, воздействие эмоционального насилия, гнет эмигрантского опыта и неукротимую человеческую потребность в соблазне, фантазии и спасении. Выставляя на обозрение нездоровые элементы человеческого желания, которые движут человеческими отношениями и разрушают их, Зингер в «Обманщике» никоим образом не оправдывает сластолюбие, шовинизм или предательство. Этот роман о страсти и нарциссизме, об оптимизме и нигилизме отражает весь спектр эмоций и поведения и раскрывает парадоксальную связь между человеческой трагедией и жадой жизни.

«Обманщик» — один из самых исповедальных романов Зингера, но все же это художественное произведение, плод писательской фантазии, а значит, читателям следует остерегаться прямых сопоставлений с жизнью автора. Тем не менее он затрагивает слухи об изменах Зингера, часто упоминаемых в книгах, статьях и документальных кино- и телефильмах о его жизни, в большинстве, однако, остающихся туманными и неподтвержденными. Точно известно, что в жизни Зингера не обошлось без определенных любовных историй. И, несомненно, недокументированных

было отнюдь не мало. Однако же дело дошло до инсинуаций, что он якобы держал, по его собственному выражению, «гарем переводчиц», которые вдобавок были его любовницами. Конечно, мысль привлекательная, и на бумаге она звучала хорошо, хотя, пожалуй, во многом отражала стремление принять желаемое за действительное. Зингер обладал необычайно буйным воображением и в своих книгах зачастую воссоздавал и бесконечно варьировал одно и то же воспоминание. Это отчетливо заметно в рассказах о его варшавском детстве, где сходные эпизоды пересказываются с разными целями и трактуются по-разному в зависимости от жанра. Впечатление, что Зингер хвастает своей неразборчивостью, нередко коренится в его фантазии, а не в реальности. Без сомнения, он никогда не хранил верность жене и использовал свое положение, чтобы привлечь поклонниц, но в «Обманщике» читателей встречает художественное отражение его поступков, безжалостно самокритичное и уничтожающее. В романе вопрос верности выходит за пределы одного персонажа, за границы полов, являя собой совесть и сознательность человека, который предает не только жену, но каждого, кто любит его и кого любит он — в том числе и в особенности его самого.

Недавнее разоблачение многолетнего неправомерного сексуального поведения, домогательств и насилия со стороны лиц, облеченных властью, раскрыло также роль сексуальности в межличностных отношениях. Секс на рабочем месте — о нем не расскажешь, о нем молчали, и в итоге создалась среда, где реальные случаи насилия можно было проигнорировать или утаить. Культура, табуирующая ту или иную тему, оказывается не способна высказаться о насилии над собой. А вот Зингер, который никогда не

претендовал на верность своим любимым, сумел описать в своих романах и эмоциональные импульсы, и цену неверности. Как размышляет в «Обманщике» Герц Минскер: «Психоанализ <...> в лучшем случае может поставить диагноз. Но не обеспечит лечение. Герц — яркий тому пример. Нет такого удовольствия, что бы решило его проблемы. Ему в жизни необходимо напряжение. Он должен испытывать кризисы. Заводить любовные романы. Гоняться за женщинами, как охотник гоняется за добычей. Каждый день должен приносить новые игры, новые драмы, новые трагедии и комедии, иначе он погибнет от духовной цинги». Конкретно в этих строках нет ни слова о психологическом или эмоциональном состоянии человека, о котором идет речь. Но оно в них присутствует, и Зингер, несмотря на собственные поступки (а может быть, как раз благодаря им), оказался способен не только описать это состояние духа, но и выразить моральный конфликт, какой оно создает для персонажа романа, и ущерб, какой оно наносит всем окружающим людям.

Литература на идише, то есть литература восточноевропейских евреев, всегда находилась на стыке Востока и Запада, соединяя литературные традиции всей Европы с семитскими основами своего алфавита и религиозных текстов. «Обманщик» являет собой художественное преломление этих традиций в персонажах, вовлеченных в наследственные культурные баталии — между Просвещением европейского толка, с одной стороны, и древней еврейской традицией — с другой. Это заметно во множестве религиозных цитат, которые Зингер нередко вычеркивал в окончательной редакции других своих произведений, но в машинописном экземпляре этой книги оставил пробелы для перевода.

В оригинальном тексте на идише эти фразы приведены на древнееврейском и арамейском, и даже многие говорящие на идише, читая книгу Зингера, вероятно, в лучшем случае имели весьма смутное представление об их смысле. При подготовке рукописи к печати я перевел эти цитаты на английский, но оставил их без сносок — как в оригинале. Зингер включал свои религиозные познания в текст так же деликатно, как и свою трактовку западной философии и тонких нюансов человеческой души.

Стремление показать в литературе мрачные реальности представляет собой часть западной литературной традиции, и «Обманщик» не исключение. Ситуация, когда Эдип предпочитает на кушетке психоаналитика разобраться в своем отношении к родителям, вместо того чтобы убить отца и жениться на матери, способствовала бы улучшению реальности. Но сделала бы литературу бесплодной. Мы читаем литературу не только затем, чтобы найти образцы для подражания, но и затем, чтобы выработать язык для наиболее сложных аспектов нашего опыта в мире. В некотором смысле сам принцип психоанализа заключается в необходимости *поговорить* об Эдипе как о трагедии, а не претворять его трагедию в собственной жизни. «Обманщик» тоже исследует поступки и психические состояния, в реальности не всегда приятные или желательные. Но этот роман честно раскрывает как причины, так и последствия пренебрежения собственным эмоциональным и психологическим отчаянием. В жизни Зингер не был лоялен к очень многим людям, но если был вообще к кому-то лоялен, то к своим читателям, раскрывая в литературном вымысле этот аспект себя. Без вымысла, дающего нам возможность говорить о наименее привлекательных

сторонах человеческой природы и демонстрирующего цену ущерба, нанесенного себе и другим, наше общество так и останется лишено слов и образов, необходимых для осуждения наиболее вредных его элементов. В очередной раз оно упустит возможность найти конструктивные способы выявить «духовную цингу», которая во все времена одолевала и одолевает столь многих.

Давид Штромберг, Иерусалим

ПО ПРИЕЗДЕ ВСЕ они твердили одно и то же: Америка не для меня. Однако мало-помалу устраивались не хуже, чем в Варшаве.

Моше — или Моррис Калишер — занялся недвижимостью и быстро смекнул, что здесь от специалиста требуется ничуть не больше, нежели дома, в Варшаве. Покупаешь дом и собираешь квартирную плату. Часть дохода используешь на ипотеку и на прожитие, а остального вполне хватало, чтобы выплатить первый взнос за другой дом. Главное — начать, и первый свой дом Моррис Калишер купил еще в 1935-м. Удача его не покинула.

Беженцы говорили, что в бизнесе Моррис Калишер как рыба в воде. Он по-прежнему любил черкать цифры на скатертях и записывать адреса на манжетах. И в манере одеваться оставался новичком-иммигрантом. Носил жесткие воротнички, рубашки с крахмальными манжетами, ботинки с гетрами — даже летом — и шляпу-дерби, хотя все это давным-давно вышло из моды. В черном галстуке всегда красовалась жемчужная булавка. По-своему он начал подлаживать Нью-Йорк под Варшаву.

Вместо того чтобы обосноваться в кафе «Бристоль» или в «Лёрз», Моррис Калишер стал завсегдатаем одного из кафетериев. Пил черный кофе из стакана, а не из кружки. Даже нашел человека, который его обслуживал, потому что терпеть не мог таскать подносы, он же не официант.

Курил сигару, ковырял зубочисткой в ухе и прихлебывал черный кофе, а в голове меж тем роились планы. Н-да, улицы в Америке впрямь вымощены золотом. Надо только знать, как его извлечь.

Америка находилась на грани войны. Цены на товары стремительно росли, а получить кредит в банках было несложно. Моррис Калишер даже подсчитал, что рано или поздно акции пойдут вверх. По-английски он пока не говорил, но газеты уже читал и имел представление о происходящем на Уолл-стрит.

— Слушай меня и забудь свои глупости, — внушал он своему другу Герцу Минскеру. — Займись бизнесом, как все евреи. Запомни мои слова: надо лишь сделать первый шаг. Фрейдом на жизнь не заработаешь.

— Ты прекрасно знаешь, что я не фрейдист.

— А какая разница? Фрейд-шмейд, Адлер-шмадлер, Юнг-шмунг. Все это гроша ломаного не стоит. На эдипов комплекс даже луковицы не купишь.

— Если ты не перестанешь талдычить про психоанализ, нашим отношениям конец!

— Ладно, не собираюсь я лезть в твою науку. В таких вещах я профан, что правда, то правда, зато я человек практичный. В Америке необходимо измениться. Здесь раввин и тот должен стать бизнесменом. Ты можешь быть вторым Аристотелем, но, коли умрешь в чьей-то квартире, никто и внимания не обратит. Даже Мессии, приди он в Нью-Йорк, пришлось бы сообщить об этом через газеты.

Ростом Моррис Калишер был невелик, широкоплечий, с непомерно большими ногами и руками и очень крупной головой, в Польше таких называли рахитиками. На лысом

черепе торчали редкие пучки волос. Высокий лоб, горбатый нос, толстые губы, короткая шея. На кончике подбородка Моррис Калишер оставил символическую бородку — знак, что не совсем отрекся от своего еврейства. Глаза большие, черные, навывкате — телячьи.

По происхождению он был хасидом и в юности учился в гурской ешиве¹ и в общине сохачевского раввина. Женился на девушке из богатой семьи, но через несколько лет жена умерла, оставив ему сына и дочь, которых Моррис нарек Лейбеле, в честь своего деда по отцу, и Фейга Малка, в честь ее бабки по матери. Правда, сами они называли себя Леон и Фаня. Леон учился в Швейцарии, в Цюрихе. И вот-вот станет инженером-электриком. Двадцатидвухлетняя Фаня, бывшая студентка Варшавского университета, записалась на несколько курсов в Колумбийском университете. Из отцовского дома она съехала, поселилась в отеле, потому что не могла ужиться с мачехой. Свое имя она американизировала и теперь звалась Фанни.

Вторая жена Морриса Калишера, Минна, клятвенно заверяла, что относилась к Фане лучше, чем родная мать. Всем ради нее жертвовала, а девчонка отплатила за добро злом. Моррис знал, это правда. Дочь выросла угрюмой, замкнутой, этакая еврейка-антисемитка. К отцу она относилась с откровенной насмешкой. И уже предупредила его, что за еврея замуж не пойдет, и Моррис Калишер впервые в жизни влепил ей затрещину. Вскоре после этого она и съехала. Каждую неделю он почтой посылал ей чек.

Сейчас он говорил Герцу Минскеру:

¹ Ешива — еврейское религиозное учебное заведение. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Не хочешь становиться бизнесменом — открой практику. Сумасшедших в Нью-Йорке хватает.

— Тут нужна... эта... как ее... лицензия.

— Так ведь ты учился. Ты же ученик Фрейда.

— Нужно сдать экзамен.

— Разве для тебя это проблема?

— Английский мне дается с трудом. Вдобавок я не хочу тратить силы на дам с Парк-авеню. Это не мое.

— Чего же ты хочешь? Луну и звезды?

— Оставь меня в покое. Не могу я начинать карьеру в разгар всемирной катастрофы. Гитлер — это не шутки. Это сам архидьявол, сам демон Асмодей явился истребить последнюю искру света: с одной стороны он, а Сталин, да будет стерто его имя, — с другой. Если тебе по душе сравнения, то это война меж Гогом и Магогом. Камни с неба пока не падали, но что такое бомбы? В Польше евреи в страшной опасности. Кто знает, что случится здесь? В таких обстоятельствах я не могу сидеть и слушать жалобы скучающей американской кумушки, которая в свои семьдесят сокрушается, что сорок лет назад не обманула мужа! Прошу тебя, не зови меня психоаналитиком. Для меня это величайшее оскорбление. Словно нож в сердце.

— Боже сохрани, я вовсе не хочу тебя огорчать. Ты же знаешь, как я тебя люблю. Мне просто жаль твою жену. Каково ей так жить. Ведь, что ни говори, она привыкла к роскоши.

— Я ее не неволил. Она заранее знала, на что идет.

— Все-таки мужчины породой покрепче. Мы честолюбивы, у нас есть свои фантазии, свои... ну, скажем, глупости. Женщины больше зависят от мелочей. Вот окна у вас выходят на стену. И я тысячу раз предлагал тебе взять квартиру в моем доме. А теперь все уже сдано.

— Не хочу я, не хочу. И она тоже не хочет. Ты помог нам приехать сюда, и этого достаточно. Не хочу быть вымогателем. Кстати, сегодня она вышла на работу.

— О! Куда же?

— На фабрику.

— Дрянь дело. Это не для нее.

— Я ее не заставлял. Она сама так решила. Я ее обо всем заранее предупредил. А что еще можно сделать, кроме как предупредить? Ведь и сам ничего толком не знаешь. Вчера мне приснилось, что случился жуткий взрыв и все небоскребы рухнули. Все было настолько реально, будто произошло наяву. Эмпайр-стейт-билдинг раскачивался, словно дерево в бурю. Всего лишь сон, но он покоя мне не дает.

— Нью-Йорк им не разрушить.

— Почему? Иерусалим тоже был красивым городом. На все воля Божия. Обычно наверху решают в пользу варваров. Почему на сей раз должно быть иначе? Может, в самом деле настал конец света.

— Но покада жизнь должна продолжаться. Я закажу тебе стакан кофе с пирогом.

2

ГЕРЦ МИНСКЕР БЫЛ высокого роста, стройный, бледный, на год-другой моложе Морриса Калишера. Длинные каштановые волосы вокруг плешивой макушки. Все в нем какое-то узкое: череп, нос, подбородок, шея. Лоб высокий, равнинский. Серые глаза за стеклами роговых очков смотрели

полувстревоженно-полуудивленно и как бы не вполне сознавая, где он или с кем говорит. Годами он кочевал из одного большого города в другой: Варшава, Берлин, Париж, Лондон — и, где бы ни был, совершенно не умел ориентироваться. Никогда не знал, как пройти к гостинице, где остановился, или к трамваю, который довезет его до дома. И ни на одном языке, кроме идиша и крох древнееврейского, говорить толком не научился, хотя писал книги на немецком, французском и русском и учился в нескольких университетах, не получив степени.

Моррис Калишер прозвал Минскера вечным школяром. Минскер всегда ходил с портфелем, набитым книгами и рукописями. Без конца делал записи в блокноте. Словно бы годами работал над каким-то шедевром, который поразит мир, однако пока что ни к чему не пришел.

Кочуя из города в город и копаясь во всевозможных библиотеках и архивах, Герц Минскер умудрился четыре раза жениться, а заодно затевал неведомо сколько любовных шашней.

Моррис Калишер познакомился с Герцем Минскером, когда тот еще носил цилиндр и пейсы до плеч. Отец Морриса Калишера обращался за советом к отцу Герца Минскера, пильзенскому цадику¹, слывшему упрямцем и каббалистом. Трижды он женился и трижды разводился. Герц родился в первом браке, и где-то у него были братья и сестры, которых он никогда не видел.

За долгие годы Моррис Калишер и Герц Минскер то расходились, то опять сближались, потом снова расходились и вновь встречались в одной из европейских столиц.

¹ Цадик, или ребе — лидер общины хасидов.

И всякий раз, когда Моррис Калишер встречал Герца, тот находился в сложном положении. У Герца была примечательная способность попадать в передрыги, для других совершенно непостижимые. Он влезал в долги, которые — если их не вернуть — стоили бы ему жизни. При встрече с Моррисом Калишером он всякий раз похлопывал его по руке и восклицал: «Тебя просто послало небо! Я все время думал о тебе. Это судьба!»

Он качал головой и возносил очи горé. Либо у него не было денег, либо истек срок действия паспорта или визы, либо он где-то в гостинице забыл рукопись, либо кто-то по неведомой причине донес на него в полицию и ему грозила депортация. Главным источником неприятностей был тот факт, что родился Герц Минскер в России, куда его отец временно бежал, и после русской революции в силу целого ряда формальностей и сложностей он жил по нансеновскому паспорту¹. Был человеком без гражданства. Вечно забывал возобновлять визы и всюду жил нелегально. Заводил романы, использовал вымышленные имена. Где-то в Варшаве у него была дочь. В Авиньоне он крутил роман с армянкой, вдовой еврея-сефарда, она забеременела и родила ему сына.

Обычно Герц Минскер говорил о себе так: «Я обманщик! Тебе, Мошеле, известна эта горькая правда».

Но Моррис Калишер знал также, что Герц Минскер — ученый, специалист по философии и, на свой лад, большой знаток языков. У него есть письма от Фрейда. В свое

¹ Нансеновский паспорт — международный документ, который удостоверял личность держателя и впервые начал выдаваться Лигой Наций для беженцев без гражданства.